

Влас ВЕРЕСЕНЬ

А ОТ ЗАУМИ ТОЛКУ НЕМНОГО

Стихотворения

Строфы

Л.Л.(Т).

Нет, ребята. Мы не дипломаты.
Не в привычку нам узорность слов.
Нам в атаку проще с русским матом –
Мало он приятен для врагов.

Быт ведя сурово, по- солдатски,
С теми, с кем связало по судьбе,
Всем последним поделись по-братски,
Лишь патрон последний взяв себе.

Но всегда, куда бы ни собираться,
Где б ни быть – на марше ли, в бою,
Фотоснимком «девять на двенадцать»
Ты хранишь «Дюймовочку» свою.

Ту, косички дёргал у которой,
Под окном которой, словно тень,
Чтобы увидеть её за шторой,
Простоять готов был целый день.

Только для неё твердил ты снова
Ласковые самые слова.
И от имени её родного
Кругом заходила голова...

.....
...Ты подбит, но, выскочив из башни,
Не желая дёшево уйти,
В ритуальной пляске рукопашной
В рай торишь неторные пути.

Полыхнёт над сопками косыми
Бело-голубой манящий свет...
...Так вот и становятся святыми
Мальчики в неполных двадцать лет.

.....
А кто выжил, – целы ноги-руки,
Да вихры седы не по летам.
Только вот Дюймовочки - подруги
Расползлись по Жабам и Кротам.

Телеграмму, наскоро, с вокзала,
Настрочив, чтоб не погас запал:
«Я тебя туда не посылала,
Выбирайся сам, ты сам попал».

.....
А хирург, прокуренный и колкий,
Перепаханный в чужой крови,
Сбрасывает на поддон осколки
Извлечённой скальпелем любви.
.....

Ладно, помолчим... Строка не пошлая.
Просто, негодуя и любя,
С боем из меня выходит прошлое
Горечью за них и за себя.

Кредо

Плевать! Я поднимусь! Ещё не всё пропето,
И мне ещё стоять на краешке земли.
Уходят февраль по оттепелям в лето,
Уходят февраль, уходят февраль.

Их бег за горизонт не повернуть обратно,
Набраться б только сил, когда пробьют часы,
И всё, чем дорожил, что выверял стократно,
В грядущий этот миг поставить на весы.

Что не сбылось – не в счёт. Зато что было – свято,
И душу распахнув на алтаре ветрил,
Я поклонюсь тому, что сам сжигал когда-то,
И в пепел превращу, что некогда любил.

Уходят февраль – какое невезенье,
И, видно, суждено поутру увидеть
Мне нищего себя на паперти прозренья
С котомкою пустой, и некому подать.

Но чем подачки ждать с последнего причала,
Не лучше ли в огонь, колени не согнув,
Сгореть, воскреснуть вновь, и всё начать с начала,
На прежнюю стезю, в который раз, шагнув.

А если не шагну, не хватит сил однажды,
Звезда моя падёт, и скажут мне: «Пора!» –
Её подхватит вновь корабликом бумажным
Мальчишка лет пяти с соседнего двора.

НАБАТ

Убегаю, как во сне, как от проказы,
И душа болит и стонет неспроста.
Богомазы, собирайтесь, богомазы,
Напишите мне распятого Христа.

Напишите мне. И пусть свершится чудо,
Пусть воскреснет Он, и судный день придёт.
Ведь звенят разменной мелочью иуды,
Всё в торги, а непродажное – не в счёт.

Триединство – Дух, Отец и Сын – Мессия,
Только явится – и наземь пасть изволь.
А у нас и Бог один, и стон – Россия,
Наша совесть, наша радость, наша боль.

Сколько раз её пытались свести на плаху,
Матерь всех, Сестру, Невесту Из Невест.
И опять ведут, в разорванной рубахе,
Босиком по льду, взвалив на спину крест.

Новоявленные понтии пилаты
Ухмыляются, несётся пёсий вой.
Где тот колокол, что выстрелит набатом:
Просыпайся, русский люд, народ честной!??

Из колоды вложь топор в кулак пудовый,
Слышишь, бабы по деревням голоса.
Гвозди выкованы, свит венец терновый,
И верёвки с перекладыны висят...

* * *

Наши встречи – причал да вокзал,
Вот где мир уж действительно тесен,
Только я уж давно не писал
Ни стихов, ни рассказов, ни песен.

То, что выдохся – брешет молва,
Просто где-то за гранью порога
Растерялись простые слова,
А от зауми толку немного.

Но сегодня, коль встретились мы,
То, давай-ка же, выпьем, товарищ,
Чтоб над крышами вились думы,
От поленьев, а не от пожарищ.

Вот и всё. Что хотел – то сказал,
Ну а «если» - так вольному воля.
И удел наш - причал да вокзал,
Крест тяжёлый и чистое поле.

СИНИЛЬГА

Не измерить наши расстояния.
Просто случай: в дальней стороне
Северного россыпью сиянья,
Ты явилась запросто ко мне.

Я увидел голубые очи,
Ясным полыхнувшие огнём.
И разверзся мрак полярной ночи,
Стало мне от них светло как днём.

Радовала поутру природа,
Но чтоб дольше нам побыть с тобой,

К вечеру испортилась погода
И метеоролог дал отбой.

И об этом помня Божьем даре,
С упоением струны теребя,
Я бренчу на старенькой гитаре,
Сочиняю песню про тебя.

А метели в диком переплясе
Мастерят перины февралю.
По тунгусски так: «Ояври асе»,
А по-русски: «Я тебя люблю».

Порт-артурское танго

О.Ш.

В тополинном переулке,
Где шаги под вечер гулки,
Раньше девочка жила,
Мама Катюю звала.

Катя-Катя-Катерина -
Нарисована картина
Пёстрой латкой на стене,
Занавеска на окне.

А на этой, на картине,
Свод небесный синий-синий,
Плещет воду Водолей,
Я – влюбленный дуралей.

Время страсти и волнений,
На заборах уравнений.
Все, чем жили мы тогда,
Разменяли на года.

Жизнь заманчивая книжка,
И уже другой мальчишка
Дружит с девочкой другой,
Самой милой, дорогой.

Вот история какая,
Незатейливо-простая,
Раз, два, три, четыре, пять...
Начинай её опять.

Катя-Катя-Катерина,
Нарисована картина.
Пёстрой латкой на стене,
Занавеска на окне.

Ночной разговор

Ну, что молчишь? Покуда рано,
Мой друг, на зеркало пенять.

Ты говоришь, на сердце странно, –
Я постараюсь все понять.

За полночь разговор затянется,
Закрутится веретеном.
Все к лучшему, что ни случается,
Лишь дождь некстати за окном.

Дымком, без компаса и карты,
Воспоминания встают.
Ах, петербургские мансарды,
Извечный гениев приют.

Приют непрочный, дыроватый...
Скажи, куда в который раз,
Как будто в чем-то виноваты,
Уходят гении от нас?

Кто в люди, кто в края иные,
Зажавши рану в кулаке...
И умирают домовые
Комочком пыли в уголке.

Я вернусь...

В октябре, перед первой порошею, –
Пряный запах увянувших трав.
Уходя из последнего прошлого,
Всё решаем, кто прав, кто не прав.

Разметало нас в разные стороны,
И, кто знает, увидимся ль вновь.
Что ж разгаркались, чёрные вороны, –
Иль хороните нашу любовь?

Богу ль Господу, Солнышку ль вешнему
(Вместе тяжело, а врозь – не прожить),
Тыщу крат непутёвому, грешному,
Покаянных поклонов отбить?

И не надобно большей награды,
Только б знать, что ты ждёшь, без затей..
Я пройду сквозь любые преграды,
Сорок раз через сорок смертей.

Ну, а выпадет стать не убитому, –
Как бы не были тропы круты,
Но к крылечку родному, забытому
Я вернусь. Возвращайся и ты...